

ПЛЕСКОВ В. А. — в ПКК
ПЛЕСКОВ В. А. — в ПКК
ПКК — в МЧК

ПЛЕСКОВ Владимир Абрамович, родился в 1882 в Павлограде Екатеринославской губ. Получил среднее образование; с 1901 — социал-демократ, член Донского Комитета РСДРП. Проживал в Ростове-на-Дону, работал в учреждении (?). 20 мая 1920 — арестован «за легальную работу при белых»; отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. По ходатайству юридического отдела ПКК освобожден из тюрьмы до суда. Как член Президиума ПКК, занимался положением политических заключенных в тюрьмах Москвы, и перед вызовом в суд сообщил в ПКК о первых результатах своей работы.

<12 июня 1920>

«В Президиум Ком<итета> Красного Креста

от В. А. Плескова.

Довожу до Вашего сведения, что я получил повестку для явки в суд Верховного Рев<олюционного> трибунала на вторник 14-го июня к 12 ч<асам> дня, откуда полагаю попасть непосредственно в тюрьму.

Из трех поручений Президиума мне, к сожалению, не удалось довести до конца ни одного по причинам, от меня не зависящим.

1). О магазине — был в президиуме — но Дрожжин был на заседании и принять меня не мог. Заявление при сем возвращаю.

2). О мебели — был в Ц<ентральном> Ж<илищном> О<тделе>, но добиться Меркурьева не мог, у него нет приема. С заместителем Быховским разговаривать считал бесполезным. Заявление возвращаю.

3). Об обуви — 2 заявления переданы в Москожу заведующ<ему> Лобковскому (Старая площадь, боярский двор, 3-й этаж). Здесь будут осложнения с раб<оче>-крест<ьянской> инсп<екцией>. Результаты неизвестны. Можно справляться, начиная со среды, хотя бы по телефону (№ узнать в справочной конт<оре>).

Вместе с тем, ввиду имеющихся заявлений о крайне острой нужде в некоторых семьях заключенных-социалистов (подробности у Л. С. Локермана), я прошу президиум обсудить вопрос об организации специальной комиссии, в задачи которой входило бы обследование семей на месте и организация им посильной помощи»¹.

* * *

14 июня 1920 — Владимир Абрамович ПЛЕСКОВ был приговорен к 3 года тюремного заключения. Содержался в Бутырской тюрьме, 7 ноября 1920 — освобожден по амнистии². 1 августа 1921 — арестован на Николаевском вокзале в Москве при посадке в петроградский поезд. При обыске у него была «обнаружена провокационная переписка о якобы происшедшем избиении политических заключенных в Бутырской тюрьме». 12 августа 1921 — по ходатайству юридического отдела ПКК был освобожден, дело прекращено³. 16 августа он передал в Президиум ПКК заявление о положении заключенных в двух тюрьмах МЧК с последующими своими предложениями об улучшении их положения там.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 24. Л. 2. Автограф.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

³ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

<16 августа 1921>

«В Президиум Политического Красного Креста.

От члена Комитета
В. А. П л е с к о в а

З а я в л е н и е.

С 1 по 10 августа включительно мне пришлось — благодаря ложному доносу — просидеть в двух тюрьмах МЧК: 1). при комендатуре, в так называемом, "корабле", Б<ольшая> Лубянка, 14 и 2). в Кисельном пер<еулке>, № 8. Порядки, установленные в этих тюрьмах, столь тяжелы и для заключенных, и их родственников, что необходимо просить Президиум МЧК немедленно изменить их.

1. Приемка арестованных производится на Б<ольшой> Лубянке, №7. При личном обыске бывают случаи, когда отобранные вещи пропадают и не возвращаются заключенному. Так было со мною в мае этого года, когда у меня отобрали листов 50 чистой папиросной бумаги и листов 20 писчей. Квитанция дана не была, несмотря на мои требования. Дежурный следователь успокоительно заявил, что при освобождении я получу все обратно. Но я не получил ничего. Бывают случаи, что и на отобранные деньги не выдаются квитанции, и потом происходит волокита. На руках оставляют 1000 руб<лей>, — но на них ничего не купишь, так как лавочки при тюрьме нет, а через надзирателя запрещено покупать что бы то ни было. После обыска заключенных держат здесь же — двух смежных комнатах очень малого размера. Здесь приходится пробыть несколько часов — до заполнения карточек и опроса дежурным следователем. Набивается сюда иногда 30-40 человек, лавок мало, тесно, душно, вода прямо из-под крана, сидеть приходится на полу, очень грязно. По мере опроса и выполнения формальностей, задержанных партиями по 10-15 чел<овек> отправляют напротив в № 14 — на "корабль". Здесь 3 камеры — из бывших складов, где можно на нарах разместить не более 60 человек, но народу скопляется до 200 и более чел<овек>. Большинство сидит и спит на полу. Мне лично пришлось две ночи спать, скрючившись на узеньком подоконнике, — откуда один раз ночью во сне я упал на спавших на полу товарищей.

Нары разбитые, масса клопов. Так как обычно здесь держат с неделю, — то никто из пересыльных не заинтересован в затрате постоянной энергии на борьбу с насекомыми. Вообще грязь порядочная, делается только необходимое. Однако, бывают случаи, что здесь сидят по несколько недель и месяцу, и более.

Особенно скверно в одиночках.

Главное зло здесь отсутствие передач от родственников. Ни писем, ни провизии здесь не получишь, сколько бы ни сидел. Я лично знаю случай с инженером ПЕРСИЦЕМ, просидевшем — в административном порядке 10 дней — за отказ занять ответственную должность в Нарком<ате> внеш<ней> торг<овли> — просто по письму члена коллегии РЫКУНОВА к председателю МЧК МЕССИНГУ. Но ПЕРСИЦ мог отсидеть здесь и 20, и 30 дней в таких же условиях, как и все прочие, — без постели и провизии.

Кормят сравнительно не дурно, лучше, чем в других тюрьмах: $\frac{3}{4}$ ф<унта> хлеба, суп на обед и ужин, но паек голодный, и на нем долго не протянешь. Прогулки нет. Уборные не исправны. Мало ложек и мисок. Обедают в 2-3 смены. Нет кружек для чая. Не дают папирос или табаку.

Большое затруднение представляет подача заявлений на чье-либо

имя. Бумаги достать трудно, приемка заявлений не каждый день, уверенности, что заявление дошло по адресу, нет, так как расписок в получении не дают. Еще труднее добиться вызова самому — к следователю или другому лицу из МЧК.

Опроса заключенных, кажется, не бывает, при мне за 4 дня не было. Таким образом, здесь заключенный отрезан от всего внешнего мира и предоставлен самому себе.

Вся эта удручающая обстановка вряд ли нужна в интересах следствия.

2. На Кисельном пер<еулке> два корпуса — белый к улице и красный во дворе, — всего, кажется, 12 камер, рассчитанных примерно на 400 чел<овек>. Здесь не очень тесно, лучше, чем в комендатуре. Вместо нар отдельные койки, но при переполнении спят и на полу. Кормят почти также, как и в комендатуре, но обеда и ужина очень мало, так что заключенные всегда голодны.

Посуды также мало, обедают в 2-3 смены. Табак или папиросы, говорят, дают, но добиться толку, узнать, когда и сколько дают, я не мог ни у кого.

Заявления принимаются будто бы раз в неделю, письма к родным не принимаются вовсе, а здесь можно просидеть и несколько месяцев. Бумаги тоже не дают. Вызова к следователю добиться трудно.

Когда заключенному слишком надоест сидеть без допроса и не знать положения своего дела, он набирается храбрости и объявляет голодовку, — после чего его переводят в особую камеру. Тогда его вызывают к допросу, и дело двигается довольно быстро. Очень часто оказывается, что человек сидит месяцы из-за пустяка или по доносу — и дело ликвидируется.

Так было с неким ВАСИЛЬКОВЫМ, то же было и со мною. Главное зло здесь — очень скверная приемка передач. Они принимаются 3 раза — по понедельникам, средам и пятницам — на углу Большого и Малого Кисельного пер<еулка>.

Помещение для приемки необычайно маленькое, душное; вмещается в него 2-3 десятка человек, остальные большим хвостом стоят и сидят на улице, — в какую угодно погоду — летом и зимой. Народу скопляется — пара сотен.

Между тем, приемку ведут всего 2 человека — один записывает, другой просматривает передачи. При приемке устанавливается самими родственниками очередь по записи, которая передается приемщикам. При крайней медленности приемки — можно прийти с утра, попасть в очередь № 100, 150 и более и до вечера не дожидаться вызова и приемки. Стало быть, надо приходить в другой раз, попадать в новую очередь и т<ак> д<алее>. Бывает так, что все три раза не дождешься приемки. Что же делать приезжим, живущим вне Москвы? В результате заключенные остаются без всего, голодают, волнуются, нервничают; те же муки испытывают и родственники.

Приходящих с детьми принимают вне очереди. Моя жена приходила 2 раза, второй раз с ребенком, но толку не добились. Во второй раз ей заявили, что я объявил голодовку, — поэтому не приняли не только провизию, но и постель, и белье. Я лично предвидел эту возможность и специально вызывал надзирателя с просьбой сообщить, куда следует, чтобы приняли белье и постель. Он уверил, что и так примут. В результате, — я десять дней был без провизии и вещей, а семья измучилась не менее моего.

Кому и зачем это нужно?

Я полагаю необходимым просить Президиум МЧК о следующем:

1). Отвести более обширные помещения для заключенных — при

приемке в комендатуре и в Кисельном пер<еулке>.

2). Лучше оборудовать их нарами, уборными, койками.

3). Снабдить посудой в достаточном размере.

4). Открыть приемку передач на Лубянке, 14.

5). Открыть лавочки для выписки заключенным продуктов без ограничения суммы.

6). Установить ежедневную выдачу табаку или папирос, так как состав быстро меняется.

7). Отвести обширное помещение для приемки передач на Кисельном пер<еулке>, усилить штат приемщиков, принимать передачи ежедневно для уничтожения хвостов и очередей.

8). Допустить уполномоченного полит<ического> Красного Креста на Лубянку, 14 и на Кисельный пер<еулок> для приемки заявлений, для получения списков политических заключенных и установить внеочередные приемки передач через старост от Кр<асного> Креста.

Для этой цели могу предложить свою кандидатуру.

Следовало бы пожертвовать немедленно часть ложек, мисок, папирос и мыла для Кисельного пер<еулка>.

В. Плесков.

16/VIII - <1921 года>»⁴.

* * *

27 августа 1921 — секретарем Президиума ПКК В. Трапезниковым по материалам заявлений члена Комитета В. А. ПЛЕСКОВА была подписана "Памятная записка о порядках в тюрьмах МЧК".

<27 августа 1921>

«ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА о порядках в тюрьмах МЧК

Из доклада члена Комитета ПЛЕСКОВА, сидевшего в тюрьмах МЧК (при комендатуре — Б<ольшая> Лубянка, 14 и в Кисельном пер<еулке>, №8), видно, что в этих тюрьмах сложились очень тяжелые для заключенных и их родственников порядки, об изменении которых необходимо возбудить немедленное ходатайство.

1. При приемке арестованных очень часто отобранные вещи пропадают, и квитанции в приеме их не выдаются, на руках оставляются 1000 руб<лей>, но на них нельзя ничего купить, т<ак> к<ак> надзирателям запрещено покупать что бы то ни было.

После обыска заключенные содержатся в комнатах очень малого размера до опроса дежурным следователем. Здесь набиваются по 40 человек, которым за недостатком скамей приходится сидеть на полу в грязном помещении при очень душной атмосфере.

По мере опроса задержанных партиями отправляют напротив (на "корабль)", здесь — 3 камеры из бывших складов для 60 человек, но на самом деле скопятся более 200 чел<овек>. Большинству приходится сидеть и спать на полу. Нары — разбитые, с массой клопов. Здесь сидят по несколько недель, месяцу и более.

Главное зло в этой тюрьме — отсутствие передач от родственников. Прогулки нет. Уборные неисправны. Мало ложек и вилок, нет кружек для чая.

Крайне затруднительна подача заявлений, т<ак> к<ак> бумаги

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 140. Л. 7-8 оборот. Машинопись, подпись и дата — автограф.

достать трудно, приемка заявлений не каждый день, расписок в получении не дают.

2. На Кисельном пер<еулке> два корпуса, кажется, в 12 камер, рассчитанных приблизительно на 400 чел<овек>. Имеются отдельные койки, но вследствие переполнения спят на полу.

Заявления принимаются раз в неделю, письма к родным не принимаются вовсе. Бумаги не дают.

Главное зло здесь — скверная приемка передач. Они принимаются 3 раза в неделю (понедельник, среда, пятница). Помещение для приемки необычайно маленькое, душное, в которое вмещается до 30 чел<овек>, остальные большим хвостом стоят на улице: народу скопляется до 200 чел<овек>. Приемку ведут всего два человека: один записывает, другой просматривает передачи. Вследствие медленности приемки приходится приходить по три дня.

Заявляя о всем изложенном, член Комитета ПЛЕСКОВ находит необходимым:

1). Отвести более обширное помещение для заключенных, при приемке в Комендатуре и в Кисельном пер<еулке>.

2). Лучше оборудовать их нарами, уборными и койками.

3). Снабдить посудой в достаточном размере.

4). Открыть приемку передач на Лубянке, 14.

5). Открыть лавочки для выписки заключенным продуктов без ограничения суммы.

6). Установить ежедневную выдачу табаку или папирос (ввиду быстрой перемены состава заключенных).

7). Отвести более обширное помещение для приемки передач на Кисельном пер<еулке>, усилить штат приемщиков, принимать передачи ежедневно.

8). Допустить уполномоченного Креста в тюрьмы МЧК для приемки заявлений, получения списков политических заключенных и установить внеочередные приемки передач через старост от Кр<асного> Креста.

По рассмотрению этого заявления Комитет 12-го августа постановил: просить М. Л. ВИНАВЕРА переговорить в МЧК о разрешении делать передачи в МЧК на Лубянку, ввиду того, что заключенные сидят более 48 час<ов>, об учреждении должности старост от политических заключенных в МЧК на Лубянке и в Кисельном пер<еулке>, о расширении помещения для приема передач в Кисельном пер<еулке> и об усилении состава лиц, принимающих передачи, а также о возможности делать передачи от Красного Креста в Кисельный пер<еулок>.

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА: <подпись>

Вл. Трапезников

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КРАСНЫЙ КРЕСТ

Московский комитет
Москва, Кузнецкий, 16
Августа 27 дня 1921 г<ода>
Исх<одящий> № 4664»⁵.

* * *

3 июля 1922 — Владимир Абрамович ПЛЕСКОВ был вновь арестован, 26 июля освобожден⁶. Проживал в Москве, в середине 1930-х

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 140. Л. 9-9 оборот. Машинопись, подпись — автограф.

⁶ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

— работал заведующим редакционно-издательским бюро Совета по изучению производительных сил Академии Наук СССР. 28 июля 1937 — арестован как «участник контрреволюционной террористической организации». 16 января 1938 — приговорен к высшей мере наказания, в тот же день расстрелян на полигоне Коммунарка⁷.

⁷ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.